

Вып. 1.

838041

Проз. 1588

Пров. 68

Livr. 1.

ОБЩЕСТВО СОДѢЙСТВІЯ УСПѢХАМЪ ОПЫТНЫХЪ НАУКЪ И ИХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢНЕНІЙ
имени Х. С. Леденцова.

С
М
В
П
**ТРУДЫ
Карадагской Научной Станціи
имени Т. И. ВЯЗЕМСКАГО.**

Выпускъ первый.

Подъ редакціей товар. предс. О-ва засл. проф. И. А. Каблукова
и завѣдывающего Станціей А. Θ. Слудскаго.

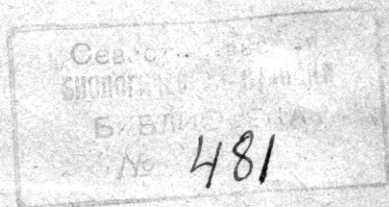
**Travaux de la Station des sciences naturelles
à Karadagh (Crimée),
fondée par le Dr T. Wiasemsky.**

Rédacteurs: Prof. J. Kablukov et A. Sloudsky.

1917.

МОСКВА,
Типографія Т-ва Рябушинскихъ,
Страстной монаст., Путинковскій пер., собств. домъ.
1917.

С. С. Крымъ.

Терентій Ивановичъ Вяземскій.

ВСТРѢЧИ и ВОСПОМИНАНІЯ.

С. Крымъ.

T. I. Wiasemsky. Mes souvenirs.

(Докладъ, читанный на засѣданіи Θεодосійскаго Отдѣленія Крымско-Кавказскаго горнаго клуба
12-го сентября 1916 года).

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Существуетъ древне-греческая легенда, что на скалѣ около Оивъ Сфинксъ предложилъ Эдипу назвать животное, которое утромъ ходитъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ. Животное это—человѣкъ! воскликнулъ будущій царь Оиванскій, по-утру своей жизни ходитъ онъ на двухъ ногахъ и на двухъ рукахъ, въ полдень своей жизни на двухъ ногахъ, а къ вечеру своей жизни, когда онъ слабѣетъ и становится старикомъ онъ ходитъ съ помощью палки, которая становится для него третьей ногой.

Эта схема физической немощи примѣнима не только къ тѣлу, но и къ душевнымъ силамъ человѣка. Къ старости кругозоръ суживается, интересъ къ окружающей жизни слабѣетъ, мысль тускнѣетъ, инициатива меркнетъ... Но судьба иногда даритъ насъ людьми исключительными, которые до самаго конца сохраняютъ свѣжесть чувства, яркость мысли, которые доносятъ все свои душевные силы до послѣдняго вздоха, до самой могилы. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Терентій Ивановичъ Вяземскій.

Я познакомился съ Т. И. Вяземскимъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ купилъ въ Θεодосійскомъ уѣздѣ имѣніе Карадагъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1902 года въ Москвѣ, въ залахъ Дворянскаго Собранія, происходилъ 1-й Всероссійскій съѣздъ виноградарей и винодѣловъ; въ секціи по столовому винограду княжна Голицына читала докладъ; одинъ изъ выводовъ, къ которому привели совѣщанія по поводу доклада, былъ мною формулированъ такъ: со введеніемъ монополіи, усиленно вводящей водку въ семью, и въ виду отсутствія закона о фальсификаціи вина, виноградарямъ необходимо улучшить сорта и расширить культуру столоваго винограда.

Докладъ молодой княжны привлечь въ скромную среду винодѣловъ и виноградарей аудиторію великосвѣтской Москвы, и мы очутились среди общества изъ романовъ графа Толстого.

Волновалась докладчица, запинаясь и стѣсняясь вель засѣданіе въ необычной средѣ Вашъ покорный слуга, предѣдатель Секціи. И вотъ, когда начали формулировать пренія по докладу, въ залу вошелъ худошавый высокій человѣкъ съ длинной запутанной шевелюрой, въ сюртукѣ не первой свѣжести, застегнутомъ на все пуговицы, въ брюкахъ табачнаго цвѣта, въ сапогахъ, давно не выдавшихъ щетки, и съ громаднымъ дамскимъ бантомъ изъ шелковаго шарфа цвѣта чесучи вмѣсто галстуха... Стулья заскрипѣли, и вошедшій былъ рассмотрѣнъ съ зловѣщимъ тактомъ. Аудиторія настроилась не въ пользу новаго гостя.

Вдругъ, когда я, путаясь и смущаясь, пытался окончить формулировку вопроса, незнакомецъ съ рѣзкостью застѣнчиваго отчаянья крикнулъ:

— Не слышно!

— Присядьте ближе! тутъ есть свободный стулъ.

— И такъ въ двухъ шагахъ сию!

Когда я кончилъ свое слово, тотъ же голосъ тѣмъ же тономъ потребовалъ слова и, не дожидаясь отвѣта, сказалъ:—Вино ли, водка ли, алкоголь, въ сущности, во всехъ видахъ вреденъ.

Свершилось! Аудиторія насторожилась!

— Позвольте Вашу фамилію?

— Вяземскій!

Секретарь отмѣтилъ: Князь Вяземскій.

Кто-то сказалъ: *Doit être un des odorateurs du compte Tolstoi...*

Я поспѣшилъ объявить перерывъ...

Т. И. подошелъ ко мнѣ и передалъ письмо одного изъ моихъ друзей, въ которомъ меня приглашали помочь совѣтомъ по организаціи винограднаго хозяйства въ Карадагѣ. Когда мы разговорились, я спросилъ, зачѣмъ онъ меня смущалъ своими замѣчаніями?

— А Вы думаете, мнѣ легко? И откуда Вы набрали этотъ салонъ: это все изъ застѣнчивости? Я отъ слова откажусь!

Тутъ, во время перерыва, Т. И. окружили и онъ началъ развивать свои положенія по борьбѣ съ алкоголизмомъ, которыя были потомъ и предметомъ его лекціи.

Если мнѣ память не измѣняетъ, они были слѣдующія:

1) Прежде всего должны быть изучены фізіологическіе и патологическіе процессы, связанные съ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ всѣхъ видовъ.

2) Мѣры борьбы должны быть преимущественно культурнаго характера.

3) Запретительныя мѣры должны быть основаны на безспорныхъ научныхъ основаніяхъ.

Много лѣтъ спустя, когда я былъ докладчикомъ по законопроекту о фальсификаціи вина въ Государственной Думѣ, мы много спорили съ Т. И. по основному положенію, но въ способахъ борьбы съ пьянствомъ мы совершенно сходились; помнится и тогда, въ 1902 году, въ Дворянскомъ Домѣ, неподдѣльная искренность и горячее уваженіе къ наукѣ и къ знанію совершенно примирили аудиторію съ Т. И., и мы были огорчены, что Вяземскій не остался дольше въ нашей средѣ.

Эта мысль, что впереди всего должно быть научное знаніе, что только на этомъ фундаментѣ можетъ быть основано человѣческое общежитіе, было основнымъ убѣжденіемъ Т. И.

Въ 1905 году онъ отошелъ отъ насъ, оппозиціонныхъ партій. Онъ не вѣрилъ въ революцію, онъ былъ эволюціонистомъ.—Всѣ эти порывы ни къ чему, говорилъ онъ мнѣ—все равно вернутся на единственную дорогу, на единственный путь освѣщенный знаніемъ и наукой; и всякій культурный человѣкъ долженъ всѣ силы направить на то, чтобы ничто могущее увеличить духовное богатство человѣчества не погибало.

«Новые пути теоретически спорные, а практически сложно выполнимые никогда не привьются въ народныхъ массахъ, и народные навыки безъ знанія и науки измѣняются такъ же медленно, какъ геологическія наслоенія» вотъ его слова, записанныя въ моемъ дневникѣ въ 1905 году.

Исходя изъ этого положенія, Т. И. оцѣнивалъ всѣ окружающія явленія, расцѣпывалъ политическія партіи, общественныхъ дѣятелей, писателей, все окружающее.

Онъ мнѣ излагалъ проектъ письма, которое онъ предполагалъ послать Министру Внутреннихъ Дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому, предлагая организовать на мѣстахъ для политическихъ ссыльныхъ обстановку для научной работы, устраивая лабораторіи, кабинеты, обсерваторіи, бібліотеки и т. п., надѣясь, что государственный дѣятель кратковременной «весны» русской жизни пойметъ и оцѣнитъ эту мысль, и не отвергнетъ ее, какъ это сдѣлалъ въ свое время Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Деляновъ.

Если подсчитать всѣ тѣ силы и способности всѣхъ жертвъ времени, начиная съ декабристовъ, которыя были загублены или гасли безплодно, если представить себѣ, какъ они могли бы быть использованы для науки, то нельзя отказать въ духу захватывающей широтѣ этой мысли.

Лишая себя самыхъ элементарныхъ удобствъ, Т. И. собиралъ ту удивительную бібліотеку, которая теперь могла бы быть украшеніемъ любого университета.

Бібліотека и имѣніе на южномъ берегу должны были создать обстановку для людей, которые по состоянію здоровья или возрасту должны покинуть центръ и прервать свои научныя работы.

Для этого была перевезена библіотека въ Карадагъ, для этого намѣчалась біологическая станція, и для этого открывалась санаторія, которая должна была давать и нѣкоторую прибыль, чтобы покрывать расходы по имѣнію.

Т. И. говорилъ: «самое главное въ санаторіи это питаніе», но тутъ-то Т. И. терпѣлъ наибольшее количество неудачъ и мытарствъ: молока не хватало, мясо гнбло, онъ самъ рѣзалъ и щипалъ куръ, потому что прислуга никакъ не могла понять вмѣшательства во всѣ сферы самого хозяина, и часто уходила; санаторія вызывала насмѣшки, нареканія, и не покрывала издержекъ. И все это сыпалось на голову человѣка одно за другимъ съ головокружительной быстротой, какъ въ кинематографѣ, въ юмористическихъ картинахъ неудачниковъ.

А со станціей тоже дѣла замялись, постройка рѣзко превышала первоначальныя смѣтныя предположенія и нужно было найти источникъ средствъ для поддержанія и содержанія создаваемого учрежденія.

На одномъ совѣщаніи предложено было мнѣ поговорить съ ректоромъ Московскаго Университета кн. С. Н. Трубецкимъ, съ которымъ я встрѣчался на земско-городскихъ съѣздахъ въ Москвѣ. Библіотеку университетъ принять соглашался, а на содержаніе станціи средствъ не хватало. Удалось заручиться общаніемъ отдѣльныхъ лицъ и учреждений, но нужно было закончить прежде всего постройку. Въ это время захворалъ проф. Л. З. Мороховецъ, принимавшій горячее участіе въ дѣлѣ созданія станціи и создалось положеніе очень трудное. Затягиваніе дѣла создавало полное равнодушіе у окружающихъ, санаторія давала убытки и приходилось дѣлать долги, попытка продать часть имѣнія или санаторію потерпѣла неудачу.

Ко всѣмъ безплоднымъ поискамъ и комбинаціямъ, которыя стали особенно затруднительны послѣ болѣзни проф. Мороховца, вынужденнаго отказаться отъ всякаго участія въ дѣлахъ станціи,—присоединились семейныя неурядицы; мы, друзья, уже отчаивались; да и друзей-то осталось мало, по извѣстному правилу:

Donec eris felix, multos numerabis amicos,

Tempora si fuerint nubila—solus eris.

Но одинъ Т. И. продолжалъ собирать книги, при случаѣ покупать для станціи приборы, дѣлалъ долги и не терялъ изъ виду ни своей идеи ни своей вѣры въ нее.

Тутъ-то знакомство съ его нынѣшнимъ душеприказчикомъ А. Ф. Слудскимъ дало поворотъ дѣлу. Онъ, Слудскій,

Nubes collectas repugnat solemque reducit.

А. Ф. Слудскій цѣлымъ рядомъ докладовъ привлекъ интересъ и къ Карадагу и къ Научной Станціи. Поселившись въ Карадагъ, онъ внесъ,

насколько это было возможно, порядокъ въ санаторію, въ организацію хозяйства, въ дѣло постройки станціи.

Знакомство Т. И. съ Н. А. Умовымъ, обаятельный и широкій умъ котораго сразу оцѣнилъ идею научной станціи на югѣ Россіи, предопредѣлило направленіе станціи, и Леденцовское Общество приняло ее въ свое лоно, при неустанномъ и ближайшемъ участіи все того же А. Ф. Слудскаго. Теперь, когда къ сожалѣнію уже нѣтъ въ живыхъ владѣльца, можно сказать, что цѣнность завѣщаннаго имущества настолько поднялась за послѣдніе два года, что могла бы обезпечить существованіе станціи при ея первоначальныхъ задачахъ, но и задачи пошли много дальше первоначальныхъ предположеній.

Въ широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія Т. И. былъ извѣстенъ какъ врачъ и какъ чудакъ.

Очень мягкое осторожное обращеніе и простота подкупали больныхъ и совершенно не внушали того благоговѣйнаго трепета, который выражается въ высокихъ гонорахъ. Впрочемъ этотъ послѣдній вопросъ былъ для Т. И. всегда второстепеннымъ. Приведу одинъ характерный случай.

Ко мнѣ обратился съ просьбой одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ Мурза К., чтобы я написалъ ему письмо къ «знаменитому доктору-чудаку въ Отузахъ, изъ Москвы», чтобы онъ далъ совѣтъ его больной женѣ.

— А чѣмъ больна Ваша жена?

— Она надорвалась.

— Въдѣ Вяземскій врачъ по нервнымъ болѣзнямъ. Вы напрасно проѣздите за 150 верстъ.

Просьба была такъ настойчива, что я далъ свою визитную карточку, набросавъ нѣсколько словъ извиненій.

Черезъ нѣсколько дней и больная и ея мужъ пріѣхали благодарить меня, и передали деньги, чтобы отъ имени Т. И. Вяземскаго освободить отъ платы за право ученія какого-либо бѣднаго студента.

К. мнѣ рассказывалъ, что во время бесѣды доктора съ больной («я видѣлъ, какъ онъ ее успокаивалъ—говорилъ, что это не болѣзнь, а маленькое неудобство и т. д. въ этомъ родѣ»), онъ очень осторожно удвоилъ содержимое заранѣе приготовленнаго пакета, и каково было его замѣшательство, когда докторъ категорически отказался принять гонораръ!

Безкорыстный врачъ, постоянно урѣзывавшій свой бюджетъ и дѣлавшій долги для осуществленія своей идеи, торопившійся подъ конецъ жизни закончить свое дѣло и уже затѣвающій новое: научное освѣщеніе вопросовъ алкоголизма въ особомъ періодическомъ изданіи, на которое, по порученію Т. И. я уже получилъ согласіе и обѣщаніе матеріальной поддержки со стороны министра финансовъ, жилъ до послѣдней минуты своими «затѣями». И вотъ чудачества, заставлявшія насмѣхаться или свысока расцѣнивать

человѣка, глубоко и горячо любившаго людей, превратились. Т. И. уже нѣтъ, но душа его вырисовывается во всей истинной красѣ, и фраза проф. Мороховца, сказанная въ засѣданіи Оеодосійскаго Общества Сельскаго Хозяйства, что свѣтъ науки засіяетъ съ высотъ Карадага, уже не фраза, а фактъ, совершившійся благодаря тому, что земельная собственность попала въ достойныя и благородныя руки Т. И. Вяземскаго.

И въ наше тяжелое время, въ мрачныя минуты войны, когда громогласно провозглашается, что грубая сила выше права, когдѣ нѣтъ семьи, не имѣющей близкаго человѣка на полѣ брани, среди лишеній, не отраднo ли вспомнить о борцѣ, который служилъ, подвергая себя лишеніямъ, въ другой борьбѣ, въ которой борятся не люди, а идеи, и побѣждается только природа! Будемъ надѣяться, что эта благородная война вытѣснитъ навсегда животную кровавую войну изъ обихода человѣчества!